

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-36-42

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА В СИРИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

А. Вахшитех

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу внешней политики Российской Федерации в регионе Ближнего Востока. Автор рассматривает эволюцию и трансформацию данной политики в контексте сирийского кризиса. Теоретической базой исследования стали теория реалистической школы, теория «баланса сил», концепция «баланса угроз» Стивена Уолта и «секьюритизация» копенгагенской школы. Автор приходит к следующим выводам: российская внешняя политика на Ближнем Востоке после распада Советского Союза прошла несколько этапов развития от практически полного отстранения в решении региональных проблем до активной роли не только как игрока, но и медиатора многих региональных процессов, и, прежде всего, сирийского кризиса. Также в статье предпринимается попытка прогнозного анализа ситуации на Ближнем Востоке с точки зрения возможностей и вызовов для России.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирийский кризис, российская внешняя политика, реализм, секьюритизация, «баланс сил»

Сирийский кризис, продолжающийся в течение последних шести лет, в значительной степени изменил соотношение сил на Ближнем Востоке. До «арабской весны» и событий в Ираке и Афганистане только Соединенные Штаты Америки были главным внешним игроком в этом регионе. Усиление региональных позиций США произошло после событий 11 сентября 2001 года в рамках начала «глобальной войны с террором» и вмешательства во внутренние дела Ирака и Афганистана.

В 2012 году Национальный совет по разведке опубликовал стратегический доклад, в котором определил стратегические интересы Америки в разных регионах, но в особенности на Ближнем и Среднем Востоке. США хотели использовать борьбу с терроризмом как предлог для усиления своего военно-политического присутствия в регионе [2].

Россия после распада Советского Союза заняла достаточно пассивную позицию в ближневосточной повестке. Это объясняется тем, что в это время российская внешняя политика в регионе развивалась в русле так называемого «российско-американского стратегического партнерства» и не носила самостоятельного характера. И только сирийский кризис в значительной мере повлиял на соотношение сил в регионе. Сдвиги в геополитической карте региона тесно связаны с изменением роли внешних акторов, включая Россию и США. Одновременно трансформировалось и восприятие ведущих держав мира региональными игроками. Актуальность изучения ближневосточного вектора становится все более значимой по мере возрастания степени вовлеченности России в ближневосточную политику.

До начала сирийского конфликта ближневосточный вектор не являлся перво-степенным в общей иерархии приоритетов российской внешней политики. Единственная региональная повестка, от участия в которой Россия никогда не устранилась — это ближневосточное урегулирование в контексте арабо-израильского противостояния.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года от 13 мая 2009 г. Россия впервые за постсоветский период заявила о том, что она преодолела системный кризис, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений [6]. Также в Стратегии указывалось, что для защиты своих национальных интересов Россия, оставаясь в рамках международного права, будет проводить рациональную и прагматичную внешнюю политику.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года заявляется о том, что «в настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире» [6]. Также отмечается, что существенно возросла роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях.

Таким образом, можно заключить, что с приходом В.В. Путина к власти Российская Федерация постепенно возвращается в большую политику, в том числе при решении наиболее актуальных международных проблем, таких, например, как сирийский кризис.

Вооруженный конфликт в Сирии, имея сложную внутреннюю конфигурацию, продолжается с марта 2011 г. Самый серьезный противник сирийских правительственных сил — запрещенные в ряде стран, в том числе и в России, террористические группировки «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра». Еще один участник конфликта — так называемая умеренная оппозиция Сирии, в начале боевых действий основной ее ударной силой была «Свободная сирийская армия». Еще одна сторона сирийского конфликта — это курды, которые сначала сражались в рядах «Свободной сирийской армии», однако затем решили действовать самостоятельно.

С сентября 2014 года военно-воздушные удары по позициям ИГИЛ в Сирии наносит международная коалиция во главе с США, однако делает это без одобрения официальных властей Сирии.

30 сентября 2015 года глава администрации Кремля Сергей Иванов сообщил, что Президент Сирии Башар Асад обратился к Российской Федерации с просьбой об оказании военной помощи. Президент РФ Владимир Путин внес на рассмотрение Совета Федерации предложение о принятии постановления на использование контингента Вооруженных Сил России за рубежом. Совет Федерации единогласно поддержал обращение Президента. Официально целью военной операции

России в Сирии стала воздушная поддержка сирийских правительственных сил в их борьбе с террористической группировкой «Исламское государство».

В соответствии с решением Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ Владимира Путина самолеты российских Воздушно-космических приступили к проведению воздушной операции с нанесением точечных ударов по наземным целям террористов группировки ИГИЛ на территории Сирийской Арабской Республики.

Первоначально целями российской боевой авиации являлись командные пункты, штабы, узлы связи, склады оружия, боеприпасов и горюче-смазочных материалов, мини-заводы по производству самодельных взрывных устройств, а также по оборудованию автомобилей для совершения террористических актов боевиков ИГИЛ. Затем акценты сместились, и первостепенное внимание стало уделяться подрыву источников доходов радикальных исламистов, таких как добыча, переработка и транспортировка нефти и нефтепродуктов.

Операция России в Сирии заставила оппозицию пойти на мирные переговоры, которые начались в Женеве 29 января 2016 года в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254 [4]. Далее 22 февраля Россия и США объявили о достижении договоренности по перемирию в Сирии между правительственными войсками и вооруженными группами оппозиции. После вступления в силу режима прекращения огня Россия постепенно начала выводить российскую группировку из Сирии. Всего с сентября 2015 года по март 2016 года российская авиация совершила более девяти тысяч вылетов.

Кроме военной операции, Россия также сыграла очень важную роль и в политическом урегулировании сирийского вопроса. Так, в течение двух месяцев российские дипломаты вели переговоры с представителями Турции, Ирана и лидерами умеренной сирийской оппозиции по подготовке соглашения о прекращении огня, которое вступило в силу 30 декабря 2016 года в 0.00 часов на территории всей Сирии.

18 января 2017 года Россия и Сирия подписали соглашение о расширении и модернизации пункта обеспечения ВМФ РФ в сирийском Тартусе (согласно которому здесь могут размещаться 11 кораблей), а также протокол, определяющий условия размещения самолетов российских ВКС в Сирии на базе Хмеймим. В настоящее время на территории Сирии создана единая интегрированная система противовоздушной обороны, обеспечено информационно-техническое взаимодействие российских и сирийских средств разведки воздушного пространства.

В Сирии действует российский Центр по примирению, благодаря которому количество населенных пунктов, присоединившихся к мирному процессу в стране, постоянно увеличивается (сейчас их более 2200). Продолжаются и переговоры о присоединении к режиму прекращения боевых действий с отрядами вооруженной оппозиции в провинциях Алеппо, Дамаск, Хама, Хомс и Эль-Кунейтра.

Переговоры по сирийскому урегулированию благодаря активному участию России проходят не только на женевской площадке, но и в Астане. В 2017 году состоялось семь раундов межсирийских переговоров. Главным вопросом переговоров является мирное урегулирование сирийского конфликта между правитель-

ством САР и представителями оппозиции, где в роли посредников выступают Россия, Турция и Иран. Новая площадка была призвана дополнить женевский формат, который к концу 2016 года выглядел крайне неэффективным.

В первый же раунд переговоров в Астане Россия представила свой проект новой сирийской конституции, которая предлагала децентрализацию государственной власти, усиление парламента, осуществление концепции секуляризма, а также сохранение полномочий Башара Асада как легитимного президента до 2021 года. Главным результатом нового формата стало подписанное в мае текущего года Россией, Ираном и Турцией Соглашения о создании четырех зон безопасности, внутри которых запрещено применение любых видов оружия.

19 октября 2017 года прошла встреча министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова со специальным представителем Генерального секретаря ООН по Сирии Стаффаном де Мистурой, в ходе которой стороны обсудили выполнение резолюции СБ ООН 2254, а также возможность нового созыва переговоров по Сирии в Астане и Женеве.

В целом военная операция России в Сирии изменила расклад сил в регионе. Благодаря действиям российской армии сирийские правительственные силы смогли отбить около 1000 населенных пунктов, в том числе ключевые стратегические точки — Пальмиру и Алеппо. В итоге в настоящее время ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) контролирует всего 5% территории Сирии. Операция также позволила остановить террористическую угрозу вдали от границ России, как того требовала военная доктрина РФ. Россия закрепила свое военно-политическое присутствие в Сирии и на Ближнем Востоке, повысила статус российских вооруженных сил, апробировала современные виды вооружений. Россия продолжает военное и политическое сотрудничество с Ираном и Турцией, в том числе в рамках астанинского процесса межсирийского урегулирования.

Если попытаться объяснить эволюцию позиции России по Ближнему Востоку с точки зрения теоретических направлений международных исследований, то, необходимо обратиться, прежде всего, к реалистической парадигме.

С точки зрения политического реализма основой внешней политики России в регионе Ближнего Востока является осознание национальных интересов и реалистическое поведение в процессе принятия внешнеполитических решений. Кремль четко определяет национальные интересы, угрозу терроризма и экстремизма, позиции США и Запада и не стремится к развязыванию новой Холодной войны. При этом Россия стремится усилить свой военный потенциал и военно-политическое влияние в регионе. Россия активизирует сотрудничество с региональными акторами для комплексного решения сирийской проблемы [3].

С точки зрения сторонников концепции «баланса сил» на Ближнем Востоке установился баланс влияния только двух акторов — Соединенных Штатов Америки и России. Есть еще региональные игроки, такие как Иран, Саудовская Аравия и Турция, возможно — Израиль. Для России важно понять интересы других игроков и выстраивать конструктивный диалог [7].

Теория «баланса угроз» возникла в конце 80-х годов XX века, когда Стивен Уолт предпринял попытку развить и усовершенствовать теорию «баланса сил».

Если теория «баланса сил» исходит из реакции государств на возможную разбалансировку системы международных отношений в связи с появлением нового сильного государства или коалиции государств, то теория баланса угроз — из реакции государств на отсутствие «баланса угроз». В этих случаях государства формируют союзы или увеличивают свои внутренние усилия с целью уменьшить свою уязвимость.

С точки зрения данной теории действия Москвы были продиктованы потенциальной угрозой, которая исходила из сирийского конфликта и возможности распространения терроризма. Во время «арабской весны» Россия соблюдала баланс сил и была хорошим наблюдателем. Но после «арабской весны» равновесие на Ближнем Востоке было нарушено, и региональная повестка стала анализироваться Россией с точки зрения «баланса угроз» [1].

Следуя логике копенгагенской школы «секьюритизации», на Ближнем Востоке формируется новая региональная конфигурация безопасности, в которой участвует и Россия. Безопасность включает не только военный аспект, но и такие аспекты, как экономика, политика, культура, социальная сфера и экология. На данном этапе в региональной политике безопасности в Сирии явно преобладает военный аспект, но Россия является также медиатором политического урегулирования и оказывает гуманитарную помощь сирийскому народу.

Для того чтобы подвести итоги и сделать прогнозный анализ российской внешней политики на Ближнем Востоке, используем метод SWOT-анализа, выделим слабые и сильные стороны данной политики, а также возможности и вызовы (табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ российской внешней политики на Ближнем Востоке

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
<ul style="list-style-type: none"> — политика России изменила соотношение сил в регионе; — военная операция России помогла сирийской армии восстановить контроль над территорией страны; — Россия испытала новые виды вооружений, апробировала новые системы управления ВС; — Россия решила ряд внутренних проблем, таких как терроризм; — повысился престиж российских вооруженных сил 	<ul style="list-style-type: none"> — высокая стоимость военной операции России в Сирии; — нарастание напряженности в отношениях с США и Западом
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
<ul style="list-style-type: none"> — Россия усиливает свое военно-политическое присутствие на Ближнем Востоке; — Россия выступает главным медиатором переговорного процесса по Сирии; — несмотря на разногласия, у РФ и США сохраняется ограниченное совпадение интересов и возможность для взаимодействия на Ближнем Востоке; — предотвращение угрозы терроризма, распространение на российскую территорию 	<ul style="list-style-type: none"> — отсутствие общего понимания сирийской ситуации; — отсутствие общепринятого определения терроризма; — отсутствие всеобщего политического диалога; — отсутствие на Ближнем Востоке явного лидера; — конкуренция с США; — продолжительность конфликта и возможность экспорта терроризма на территорию РФ; — неопределенность перспектив, истощение финансовых и военных ресурсов

Заключение. Сирийский кризис помог России выйти из наметившейся геополитической изоляции и повысить степень влияния на процессы в регионе Ближнего Востока. Операция в Сирии стала первой после Афганистана военной миссией, которую Россия проводила за пределами постсоветского пространства и в которой был использован одновременно потенциал Воздушно-космических сил, Военно-морского флота, Сил специального назначения и военной полиции.

Посредством военной кампании в Сирии, как неоднократно отмечал Президент В. Путин, Россия защищает свою независимость и суверенитет, предотвращает проникновение терроризма на свою территорию, а также борется за безопасность всего мира.

За последние два года Россия превратилась в активного участника женевского формата урегулирования сирийского конфликта и медиатора астанинского переговорного процесса.

Участвуя в военном решении сирийской проблемы, Россия закрепила на долгий период и свое военно-политическое присутствие в регионе. Ближневосточная повестка сохранится во внешней политике России, как с политической, так и с экономической точки зрения. Ближний Восток и в долгосрочной перспективе будет сохранять свое важное геополитическое значение как основной источник энергоресурсов. В перспективе после завершения военной фазы конфликта Россия будет принимать активное участие и в постконфликтном восстановлении Сирии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абдол-Али Г.* Международные отношения: теории и подходы. Тегеран: Самт, 2007 (на перс.).
2. *Вахшитех А.* 2030 с учетом Национального совета разведки США. Бейрут: Амджад, 2012 (на перс.).
3. *Кулаи Э.* Политика и правительство в Центральной Евразии. Тегеран: Самт, 2016 (на перс.).
4. Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на 7588-м заседании 18 декабря 2015 года. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/37/PDF/N1544337.pdf?OpenElement>.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года 13 мая 2009 года. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/424>.
6. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
7. *Zunes S.* US Policy toward Political Islam // *Foreign Policy in Focus*. 12.09.2001.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-36-42

RUSSIA'S POLICY IN THE MIDDLE EAST IN THE CONTEXT OF THE CRISIS IN SYRIA: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

A.N. Vakhshiteh

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the analysis of the foreign policy of the Russian Federation in the Middle East's region. The author examines the evolution and transformation of this policy in the context of the Syrian crisis. The theoretical basis of the study was the theory of realistic school, the theory of "balance of power", the concept of "balance of threats" by Stephen Walt and "securitization" of the Copenhagen school. The author comes to the following conclusions: Russian foreign policy in the Middle East after the collapse of the Soviet Union has gone through several stages of development from almost complete suspension in solving regional problems to an active role not only as a player, but also as a mediator of many regional processes, and above all the Syrian crisis. The article also attempts to forecast the situation in the Middle East from the point of view of opportunities and challenges for Russia.

Key words: Middle East, Syrian crisis, Russian foreign policy, realism, securitization, balance of power

REFERENCES

1. Abdol-Ali Gh. *International Relation: Theories and Approaches*. Tehran: Samt; 2007. (In Pers.).
2. Vakhshiteh A. *2030 in view of National Intelligence council of USA*. Beirut: Amjad; 2012. (In Pers.).
3. Koolae E. *Politics and Government in Central Eurasia*. Tehran: Samt; 2016. (In Pers.).
4. *Resolution 2254 adopted by the Security Council of the UN at its 7588th meeting, on December 18, 2015*. Available from: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/37/PDF/N1544337 .pdf? OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/37/PDF/N1544337.pdf?OpenElement). (In Russ).
5. *The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020*. 13.05.2009. Available from: <http://kremlin.ru/supplement/424>. (In Russ).
6. *Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"*. Available from: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. (In Russ).
7. Zunes S. US Policy toward Political Islam. *Foreign Policy in Focus*. 12 September 2001.

© Вахшитех А., 2017

Сведения об авторе:

Вахшитех Ахмад Насер — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Иран) (e-mail: ahmadvakhshiteh@gmail.com)

Information about the author:

Vakhshiteh Ahmad — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Iran) (e-mail: ahmadvakhshiteh@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 24.11.2017.